

1.

Квадрилатеро*

Меня зовут Бриджида, мне двадцать восемь лет, и я подрабатываю то тут, то там. Я, увы, выпускница философского факультета. Эту чудовищную ошибку я совершила десять лет назад, а расплачиваюсь до сих пор. Факультет я выбрала в порыве самозабвенного увлечения предметом. В лицее у меня сложилось впечатление, что золотые дни философии давно закончились и она влачит свое жалкое существование лишь благодаря отблеску былой славы.

Мне казалось, что все по-настоящему весомые идеи, способные изменить жизнь человечества, уже давно высказаны Платоном или Кантом, а нынешние философы обмелъчали и интересуются только чувствами и отношениями в паре. Они похожи на психологов, дающих советы в журналах, только слова выбирают

* Квадрилатеро — престижный район в центре Турина. —
Здесь и далее прим. ред.

посложнее. Я считала, что философия заслуживает лучшего. Идей либо существенно более значительных, либо уж существенно менее. Поэтому я решила: ладно, поступлю на философию и попытаюсь немного взбодрить это дело. Найду новое объяснение тайны бытия.

Но какое там.

У меня не зародилось ни одной мысли, которая имела бы достаточный теоретический вес. Я отучилась, сдала все экзамены, защитила диплом по работам Александра Койре, и все это время моя философская мысль никак себя не проявляла. Моя семья меж тем сплотилась в греческий хор, распеваящий: «Ты никогда не найде-е-ешь работу, ты никогда не найде-е-ешь работу, кому ты нужна с дипломом философа-а-а».

А вот и состав греческого хора:

Моя мама Альберта, риелтор. Мой отец Джанпьеро, владелец обувного магазина. Мой брат Лоренцо, студент экономического факультета. Бабушка Зоз, пенсионерка, бывшая сотрудница паспортного стола. Бабушка Тереза, домохозяйка, тетя Луиджина и ее дочка Розелла. Это был, так сказать, постоянный состав, к которому периодически присоединялись другие члены семьи, например дедушки (которые по возможности старались не участвовать в разборках), а заодно мои друзья, друзья родителей и мои ухажеры. И все они оказались совершенно правы.

Лишь один голос выделялся из этого хора и вдохновлял меня и дальше исследовать запутанные тропы разума в поисках стоящей идеи: голос моей тети Розальбы, актрисы. Это и неудивительно: в нашей сплоченной семье только я собиралась выйти за традиционные рамки — те самые, которые она сломала еще в пятнадцать лет.

Но не будем о тете Розальбе. Вернемся лучше к моей работе, которая началась пять лет назад, когда я поняла, что мне светит или заменять болеющих учителей в лицее, и то при хорошем раскладе, или работать кем попало.

Я выбрала второе.

В такой работе есть свои плюсы: одна подработка тянет за собой другую. Например, ты устраиваешься выгуливать чью-то собаку, и однажды хозяйка интересуется, умеешь ли ты убирать, а потом рекомендует тебя своей родственнице, хозяйке бара. И следующие два месяца ты работаешь за барной стойкой, вот только смена заканчивается в четыре утра и в итоге приходится уволиться, зато ты уже познакомилась с кинопродюсером, который, узнав, что у тебя есть права и ты здорово водишь, предлагает тебе поработать водителем на съемках. И вот ты уже несешься за актерами и везешь их на съемочную площадку, а потом подруга режиссера, которая работает адвокатом, спрашивает, не посидишь ли ты с ее детьми с часу дня до полвосьмого, потому что их няня уехала

на родину в Ирландию. Вот здесь и произошел решительный поворот в моей карьере: на работе няней я немного подзадержалась. Дети мне нравятся куда больше собак.

Хотя, признаться, дети адвокатессы восторга у меня не вызывают. Семилетняя истеричка и пятилетний шантажист, способный довести кого угодно. Стоит отметить, что родители приложили все усилия, чтобы дети росли невоспитанными уже с колыбели: мать обожает сыночка уже только за то, что он похож на деда, то есть на ее отца (про эдипов комплекс я лучше промолчу, а то с этой темы потом не слезешь). Хвалит его за любую ерунду.

— Смотри, Бриджида, какую чудесную картинку нарисовал Убальдо! — заявила она на прошлой неделе и протянула мне листок, перечеркнутый синей линией.

— Хм... да... красота... А что тут нарисовано? — спросила я, силясь изобразить восхищение.

— Белый медведь, нападающий на оленя Санта-Клауса! Чудесно, правда? И так похоже!

Будь Убальдо полтора года, рисунок можно было бы назвать недурным, но ведь ему уже пять. В пять можно уже расписывать фресками Сикстинскую капеллу.

Магдалена, сестра Убальдо, только и делает, что вопит и рыдает, рыдает и вопит. Когда я сижу с ней, она немного приходит в себя, особенно если я достаю из сумки косметичку и говорю: «Ну-ка, наведем красоту!»

Так или иначе, с Убальдо и Магдаленой я бы вполне могла остаться подольше, вот только на следующей неделе они уезжают. И это после двух лет в любви и согласии. Все дело в том, что отец семейства — политик. Он вошел в Европарламент, и теперь вся семья переезжает в Брюссель, потому что адвокатесса тоже нашла там работу. А как же я? Что теперь делать мне?

— А как же я? Что теперь делать мне? — спрашиваю я у Марии Соаве, адвокатессы, помогая ей раскладывать по коробкам машинки и куклы. Она поворачивается ко мне с самодовольным видом. Ее характер — полное отражение внешности: крашенная блондинка, спортзал три раза в неделю, идеально подходящий к цвету кожи тональный крем. У такой женщины есть готовое решение для любой проблемы, а если вдруг оно не находится, так и что с того, — она уже унеслась далеко вперед.

— А тебе я уже нашла отличную работу! Не хотела говорить раньше времени, но утром Дамиано все подтвердил!

— Постоянную? — бурчу я без особой надежды.

— Постоянную? Шутишь, что ли? На три месяца. С начала февраля до конца апреля, как-то так. Неплохо, правда? Тысяча евро на руки.

— А что делать надо?

— Да ничего сложного! — отвечает Мария Соаве и бросает в черный мусорный пакет фарфоровую куклу с раскроенным черепом.

— Подождите! Это же Ракеле! Любимая кукла Магдалены!

Мария Соаве изумленно воззрится на меня. Эту куклу подарила Магдалене я. Моей бабушке выдали ее в супермаркете лет сто тому назад. За каждую покупку там полагались наклейки, которые надо было клеивать в карточку. А за каждую заполненную карточку полагалась кукла в старинном платье и с изысканной прической на хрупкой головке. Бабушка собирала их для меня, своей младшей внучки. Кукол звали Джессика, Ракеле, Лаура, Олимпия... Я их всех до сих пор храню, не считая Ракеле — ее в один дождливый день я принесла Магдалене. Та сразу назначила ее любимой куклой, и все было хорошо, пока Убальдо не решил колоть ею орехи. Додуматься до того, чтобы колоть орехи керамической куклой, мог только полный идиот. Убальдо как раз такой и есть.

— Эта страшила? Ее любимая кукла? — Мария Соаве держит Ракеле за руку и пристально вглядывается в глубины раскроенного черепа.

— Да. Не выкидывайте ее. В Брюсселе Магдалене будет одиноко. Ей захочется поиграть с Ракеле. Лучше расскажите скорей, что за работа.

— Да ничего особенного. Мой двоюродный брат уезжает в Эстонию на три месяца и боится оставлять квартиру. У него целый сад на террасе, да еще и кошки. Нужен человек, который поживет в квартире и присмотрит за ней. Такой, чтоб не воровал, не курил и оргий в доме не устраивал. Я сразу подумала о тебе.

Во мне шевелится обида. Допустим, я не курю и не ворую, но с чего она взяла, что я не в состоянии устроить оргию?

— А где он живет? — спрашиваю я.

— Да в Квадрилатеро, самый центр... Как думаешь, пазл с монстрами везти в Брюссель или нет?

— Лучше выбросить, — равнодушно отвечаю я.

2.

Цветущий сад

— Так, слушай: через три месяца я вернусь. Так что не надо перетаскивать сюда все свое барахло.

Брат пропускает мои слова мимо ушей. Я еще даже не переговорила с хозяином квартиры в Квадрилатеро, жду звонка. Но Мария Соаве сказала, что в понедельник я в любом случае приступаю, а сегодня уже пятница, так что я собираю вещи, думаю, что взять с собой. Много не понесу — от меня до квартиры пятнадцать минут пешком. Сколько на машине, не скажу, потому что машины у меня нет. Обидно, учитывая, как хорошо я вожу.

Но ближайшие два дня я все еще у себя. Будь у Лоренцо хоть капля совести, он бы не стоял сейчас на пороге с тремя гитарами и усилителем. Договор был, что, пока меня нет, он сможет использовать мою квартиру для репетиций. Невооруженным глазом видно, что он с нетерпением ждет моего отъезда.

Называть эту квартиру «моей» можно только с натяжкой. Я живу в мансарде в доме родителей. Поскольку в ней

отдельный вход, а также кухня и ванная, то после университета я сразу же в нее торжественно переехала, тем самым якобы начав самостоятельную жизнь. На самом деле я до сих пор по крайней мере трижды в неделю хожу ужинать к родителям, пользуюсь маминой стиралкой и родительским вай-фаем. Но главная цель достигнута: ухажеров я могу водить к себе сколько угодно.

— Да ладно тебе, я просто зверюг пристрою.

Это очень в стиле Лоренцо: «зверюгами» он называет свои гитары, чтобы чувствовать себя крутым. На самом же деле Лоренцо обычный разгильдяй двадцати двух лет с кучей хвостов в университете (если он вообще сдал хоть один экзамен, в чем лично я сомневаюсь). Я втайне убеждена, что Лоренцо вроде тех французских врачей-шарлатанов, что годами ведут практику, не имея медицинского образования, и что те жалкие оценки, о которых он сообщает родителям, — плод его фантазии, и только.

Лоренцо расставляет гитары в углу и, бурча, убирается восвояси. Я запихиваю в рюкзак кофту с изображением Тоторо, и тут раздается телефонный звонок. На экране высвечивается номер моего работодателя.

— Алло?

— Добрый день, меня зовут Дамиано Галанти. Я говорю с Бриджидой Луккеше?

— Здравствуйте, да.

Что мне известно о Дамиано Галанти? Почти ничего, ведь он из тех, кто не хочет быть как все и потому

игнорирует соцсети. Порывшись в интернете, я все же нашла кое-какие упоминания о нем и несколько фотографий: не урод, но и не слишком хорош. Ни рыба ни мясо, глазу не за что зацепиться. Так что я знаю о Галанти только то, что рассказывала Мария Соаве: он ее двоюродный брат, ему тридцать семь, разведен, у него есть ребенок, две кошки и пассия, с которой все непросто, хотя тут Мария Соаве не особенно в курсе (а если и в курсе, то о чем здесь говорить — ее это не касается, а меня и подавно), работает архитектором и едет на три месяца в Таллин руководить строительством огромного отеля по заказу американской сети.

— Огромного отеля? А зачем вдруг в Таллине огромный отель? — спросила я.

Это моя обычная тактика: если не в курсе, о чем речь, то не спрашиваю прямо, а стараюсь подвести собеседника к рассказу об этом. Об Эстонии я не знаю совсем ничего, так что очень рассчитываю, что ответ Марии Соаве что-то прояснит.

— Ты что, шутишь? В станах Балтии куча туристов!

Окей, значит, Эстония — одна из стран Балтии. Все ясно. Это где такие милые городки с треугольными крышами.

— А, ну да, конечно... Такие красивые места... Все эти милые домики с треугольными крышами...

— О да. Дамиано даже думает перебраться в Эстонию насовсем, он несколько лет летает туда-сюда, у него там уже больше знакомых, чем здесь.

Думает перебраться в Эстонию? Как по мне, перспектива просто зашибись. Я пытаюсь облечь мысли в более пристойные слова.

— Серьезно? Мне казалось, в Эстонии жизнь не то чтобы бьет ключом...

— Ну не знаю, его устраивает. Море, сельский пейзаж и все тому подобное.

— А как он будет видеться с ребенком?

— А ребенок живет с матерью в Палермо, они и так не особо видятся.

— А как же его невеста? — продолжаю допытываться я. Все знают, что у меня страсть совать нос в чужие дела.

— Она ему не невеста. Там все сложно.

— Ясно.

— Ладно, как бы то ни было, тебя это волновать не должно. Единственное, что тебе нужно знать, — это что пока он уезжает на три месяца. Остальное пусть сам расскажет.

Я спрашиваю Марию Соаве, как так вышло, что Дамиано дотянул до последнего с поисками человека, который присмотрит за квартирой. Она отвечает, что он встретился с кучей кандидатов, но ему никто не подошел. Поэтому на звонок синьора Галанти я отвечаю с некоторой настороженностью. А вдруг я тоже ему не подойду?

Но, как оказалось, выбора у него нет. Спокойным голосом, почти как у диктора в рекламе, Галанти извещает меня, что его планы несколько поменялись и он уже ждет самолета в Таллин в аэропорту Линате.

— Очень жаль, что мы не сможем познакомиться лично, но Мария Соаве сказала, что вы идеально отвечаете всем требованиям. Мне остается только поверить ей на слово.

Звучит не слишком любезно.

— Да, очень печально, — сетую я, не преминув добавить нотку сарказма, которым щедро одарила меня природа.

— Мое впечатление сложилось не только из разговоров с ней, — спокойно замечает он. — Я ознакомился с вашим профилем в одной из соцсетей, и он произвел на меня самое положительное впечатление.

Уж не знаю, как моему профилю удалось произвести на него самое положительное впечатление. В последнее время я выкладываю только всякие нелепые танцы. Но, может быть, ему как раз такое и нравится.

— Вот почему, — немного торопливо произносит Галанти (возможно, на его рейс уже объявили посадку), — я попросил подругу...

Ага, ту самую... С которой все сложно...

— ...показать вам квартиру и передать ключи. Сообщите мне адрес вашей электронной почты, и я отправлю подробные инструкции. Тогда мы сможем поддерживать контакт не только по телефону. Еще мне нужен номер вашего счета. Я переведу оплату и пятьсот евро на корм для животных и прочие домашние нужды. Если этого не хватит, сообщите, я добавлю.

Не переживай, мой хороший, конечно, сообщу, а ты добавишь. Небось эстонские авторитеты тебе там деньги

мешками таскают. То есть, может, не авторитеты, а как там их называют... Олигархи?

Мы обмениваемся контактами, он сообщает имя и телефон подруги, и на этом мы прощаемся. Мне предстоит встреча с его непростой пассией (впрочем, возможно, это просто подруга, а никакая не пассия. Соседка там или типа того. Но бабушка Зоя не просто так увлекается черно-белым кино: с ней я пересмотрела всю детективную классику, так что интриги чудятся мне повсюду). Ровно в четыре я должна стоять у подъезда дома номер пятнадцать на виа Эмануэле Филиберто.

Квадрилатеро, старейший квартал Турина, расположен рядом со знаменитым рынком у Порта Палаццо. Еще недавно он представлял собой хитросплетение сомнительных и потенциально опасных закоулков, теперь же превратился в привлекательное место, где каждый хотел бы купить квартиру. По крайней мере, именно так считает моя мама, смотрящая на город исключительно глазами риелтора. Однажды мы были на экскурсии по королевскому дворцу Венария Реале, и первыми ее словами было: «Ох и сколько же квартир тут можно обустроить!»

С нашей виа Тарино я сворачиваю на корсо Сан-Маурицио, затем — на корсо Реджина, названный в честь королевы Маргариты, и оказываюсь у Порта Палаццо. Пересекаю огромную площадь, заваленную мусором, оставшимся после утреннего рынка. Через

минуту я уже стою на виа Эмануэле Филиберто. Нужный мне дом соседствует с магазином. Я застываю у витрины с вычурными украшениями: здесь пояса с рубинами, бриллиантовые диадемы, брошки с камнями размером с хороший арбуз. Меня не покидает мысль, что все это понравилось бы тете Розальбе — она всегда выходит из дома при полном параде, словно ее вот-вот подхватят и понесут вместо Богородицы во главе религиозной процессии.

У подъезда меня ждет женщина настолько красивая, что не возникает никаких сомнений: она — та самая пассия. Представляете себе платонический идеал возлюбленной, с которой все сложно? Высокая, в коралловом пуховике, темные волосы разметались по плечам небрежными локонами. За такую прическу легко можно отдать двести евро, да еще попробуй только назови ее автора парикмахером, а не стилистом. У девушки лицо индианки. В смысле, как у Покахонтас, а не у актрисы индийского кино. А главное — и тут мои невероятные детективные способности включаются на полную мощь, — на голове у нее красуется серебристо-голубая меховая шапка, каждой своей шерстинкой кричащая, что ее привезли из стран Балтии. Очевидно, подарок Дамиано Галанти, постоянно катающегося туда-сюда. Да, это точно она, та самая Всё Сложно.

Все эти мысли проносятся у меня в голове примерно за тринадцать секунд, после чего я мило и, как мне очень хочется надеяться, невинно улыбаюсь и здороваюсь:

— Здравствуйте! Я Бриджида Луккесе.

— Кларисса Ласкарис, — отвечает она с улыбкой, еще сильнее очерчивающей высокие скулы.

Всё Сложно открывает дверь подъезда и после недолгих колебаний проходит мимо лифта к лестнице. Мы поднимаемся на пятый, последний этаж: она — собранная и легкая, я — напряженная и скованная.

Мы входим в прихожую, по которой сразу видно, что о доме заботятся. Огромное зеркало и кованую вешалку для одежды явно покупали не в «Икее». Вообще, от архитектора я ждала более интересных дизайнерских решений, ну да ладно. Затем мы проходим в чудесную, не слишком большую кухню, к которой примыкает кладовка (иметь такую — настоящий шик) и небольшой санузел, к которому ведет короткий коридорчик. Вскоре я понимаю, что таких бессмысленных коридорчиков в квартире пруд пруди. Они просто на каждом шагу. Еще один коридорчик ведет в большую гостиную, поделенную на две зоны: в одной едят, в другой сидят у камина. Одну стену полностью занимает здоровенный белый шкаф, полный книг, распаханных по полкам как попало: вертикально, горизонтально и даже по диагонали. Из гостиной очередной коридорчик ведет в спальню с огромной кроватью. Рядом со спальней — еще одна комната с кроватью поменьше. Возле нее Кларисса останавливается:

— А это комната Родольфо, сына Дамиано. Но, пока вы здесь, она ваша.

Я смотрю на нее, и в голове у меня проносится две мысли. Первая: кем надо быть, чтобы назвать своего сына таким дурацким именем? Вторая: кажется, в эту комнату не ступала нога ни одного ребенка.

— А сколько Родольфо лет? — интересуюсь я.

Кларисса Всё Сложно на миг задумывается, а потом отвечает самым равнодушным тоном:

— Кажется, пять.

Хм-м-м... Я сразу понимаю, что своим безразличием она хочет показать: она не из женщин, видящих свое предназначение в материнстве и умиляющихся детям своих бойфрендов.

Не знаю, читает Кларисса Всё Сложно мои мысли или меня в очередной раз выдает выражение лица, но в следующую минуту она изображает подобие улыбки, указывает рукой на шкаф в стиле барокко и говорит:

— В нижних ящиках вещи Родольфо, а верхние полки и комод можете занимать.

Я прихожу в восторг, но держу свои чувства при себе, и мы продолжаем экскурсию по квартире.

В хозяйской спальне (определение моей мамы) есть отдельная ванная. Другая спальня находится прямо напротив «моей» комнаты. Еще один поворот, и мы оказываемся в кабинете синьора Галанти.

Здесь прямо как в кино. Все завалено книгами. Кожа-ный диван едва просматривается под грудой увесистых томов, бумаг и свитков. На письменном столе чего

только нет. Среди прочего на нем устроился рыжий кот невероятной красоты. Еще одна кошка, серая, тоже очень милая, свернулась клубочком на стуле.

— А вот и кошки... — объявила Кларисса, указав на них. — Рыжий — Пабло, а серенькую зовут Перла.

Наконец мы добираемся до главного — террасы. Гостиная отделена от нее стеклянной дверью. Вот здесь моя карьера домохранительницы могла бы сразу завершиться, даже не начавшись. Терраса не то чтобы огромная, но все равно впечатляет. За углом — калитка, после которой терраса превращается в узкий балкончик, огибающий кухню и одну из ванн. В углу стоит красивый деревянный стол со стульями — сделанные из одного и того же дерева, насколько я понимаю в деревьях. Все остальное пространство уставлено горшками. Сейчас, пятого февраля, из них торчат какие-то сухие ветки, но вскоре они превратятся в настоящие джунгли. Понятия не имею, как буду с ними справляться. На террасе также есть несколько вечнозеленых растений, и еще в вазоне что-то с шариками, похожими на бутоны. Боже мой, оно же не собирается расцвести?

— За цветами умеете ухаживать? — спрашивает Кларисса, расстегивая коралловый пуховик, под которым обнаруживается дорогой фирменный свитер.

Прежде Кларисса ограничивалась краткими пояснениями по делу: где что лежит, как чем пользоваться, кому звонить, если что-то сломалось. Все было очень понятно, хоть и без особой теплоты. Она даже

не попыталась спросить, сколько мне лет, не стала делать комплиментов вроде «какие у вас красивые волосы» или уточнять, правда ли я училась на философском и нравятся ли мне кошки... Но и без этих реверансов объясняла она хорошо и спокойно, на все вопросы отвечала исчерпывающе. Так что и мне сейчас следовало бы дать ей честный ответ: «Совершенно не умею, даже маргаритки от розы не отличу. Растений у меня дома отродясь не было, природу терпеть не могу, а как только у меня появятся деньги, я куплю себе лофт на тридцатом этаже в самом центре города».

Но что-то заставляет меня сдержаться. То ли ее глаза цвета черного бархата, словно подернутые дымкой, то ли тонкие пальцы, унизанные кольцами (одно из них — обручальное...), на долю секунды стиснувшие край пуховика. Меня вдруг охватывает необъяснимое предчувствие, которое уже не раз помогало мне не попасть впросак и не вляпаться в неприятности, когда они были совсем рядом. Поэтому я смотрю Клариссе прямо в глаза, улыбаюсь самой невинной улыбкой и отвечаю:

— Конечно, умею. Не профессионально, само собой, но у моей мамы тоже есть балкон, и я с детства ухаживала за растениями.

Сразу захотелось извиниться перед мамой за вранье. Она признает только один вид растений: те, что повышают стоимость недвижимости. Я сотню раз слышала, каким тоном она произносит слова «цветущий сад». Словно банк сорвала.

— Отлично, — отвечает Кларисса и указывает на небольшой чулан в углу. — Здесь все инструменты и кран, к которому подключается шланг. Раз вы и так в этом разбираетесь, не буду утомлять лишними объяснениями. Ну все, идем. Покажу, где здесь магазины.

Вот ведьма.

3.

Манящая

— Мне срочно нужна твоя помощь! Если хозяин вернется и обнаружит, что его чертовы петунии, или как их там, загнулись, я как минимум лишусь зарплаты. Может, он вообще заявит на меня в полицию!

— Ну, это только если цветочки несовершеннолетние.

Когда Агата выдает нечто подобное, я просто бешусь. Ненавижу, когда она демонстрирует свое остроумие. У меня серьезные проблемы, и мне нужна помощь, а она шутки шутит.

— Все, хватит уже. Когда ты можешь прийти и объяснить, как ухаживать за цветами?

Сейчас вечер воскресенья, моя миссия начинается завтра. Я спросила Клариссу Всё Сложно, нужно ли прийти покормить кошек на выходных, но она сказала, что до понедельника сама о них позаботится. «Стало быть, у тебя есть свои ключи», — подумала я, как заправский детектив. Мне она выдала одну копию, а вторую оставила у себя. Означает ли это, что она будет периодически заявляться без предупреждения?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru